Наследник для зверя

Анна Владимирова

Анна Владимирова

Наследник для зверя

«Автор»

2022

Владимирова А.

Наследник для зверя / А. Владимирова — «Автор», 2022

— Беги, Донна. Я отпускаю тебя последний раз. Он дал мне сутки, чтобы смириться со своей участью и прийти к нему в лапы добровольно. И всем плевать, что меня это не устраивает. Ведь Ронан Харт — элитный зверь и прокурор округа, а я — бесплодная выбраковка, пусть и в зо-лотой обертке. Но он решил, что я буду его — назло обществу. Я думала, мы проиграем оба. Если бы я знала, как ошибаюсь… Роман-редакция, выкладывался ранее под названием «Наследник для лютого зверя»

© Владимирова А., 2022
© Автор, 2022

Содержание

Пролог 6
Глава 1 9
Глава 2 13
Глава 3 16
Глава 4 20
Глава 5 24
Глава 6 28
Глава 7 32
Глава 8 36
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Анна Владимирова
Наследник для зверя

Жанры: Любовное фэнтези, Эротические романы, Эротическое фэнтези, Горфентези, Любовная фантастика

Теги: оборотни, роковая страсть, романтическая эротика, мистика

* * *

Пролог

Мне казалось, у меня все под контролем – адвокат уже в пути, и скоро меня заберут из допросной. В конце концов, я же знала, на что иду, когда сунула нос в правительственную операцию…

Знала? Или бросилась в авантюру, очертя голову? А это не одно и то же?

Руки мелко тряслись… Когда меня обнаружили на крыше, думала, сердце остановится. И никакие убеждения не помогали. Я забыла обо всем – что взрослая умная женщина, что знаю свои права и имею разрешение на вмешательство третьего уровня. Почему вдруг уровень операции поменялся на первый? Понятия не имею. Зато увидела столько, что уже не только руки затряслись…

И даже хорошо, что про меня будто все забыли – у них, очевидно, были более важные дела, чем я в допросной. Но все равно меня трясло. На плече наливался синяк от хватки мужика, что меня сюда притащил. Думала, руку мне передавит! Да, я сунула нос куда не следовало. И собиралась нести за это ответственность.

Только когда в коридоре вдруг послышались тяжелые шаги, внутри все застыло в диком страхе. Дверь не слетела с петель, и это было гораздо хуже, потому что мужчина, вошедший в комнату, выместит злость на мне.

Я знала его. Видела несколько раз на открытых для журналистов заседаниях отдела по борьбе с преступностью. Старший наследник элитной военной династии, генеральный прокурор Ронан Харт. Сейчас, правда, его вряд ли можно заподозрить в причастности к правящей элите – упакованный во все черное, он выглядел так, будто вылез из самого пекла, свидетелем которого я сегодня стала. О нем так и говорили – никогда не отсиживается в кабинете, все контролирует лично и участвует во всех самых важных расследованиях.

Одного его взгляда было достаточно, чтобы я застыла с воображаемым металлическим штырем в позвоночнике, который он лично туда и всадил. Ему всего-то около тридцати, но свое высшее звание он уже оправдал с лихвой. А вообще я мало о нем знала… Непростительно мало. Никогда не думала, что Харт когда-либо лично придет по мою душу…

– Боишься, – прорычал, зло скривившись, и вдруг хлопнул дверью так, что у меня зазвенело в ушах. Как она не выпала с наличником – непонятно. – Правильно. Никакие связи тебе не помогут…

Я не дернулась, решив благоразумно молчать. Сколько смогу.

– …У тебя что, в голове замкнуло? Самец бросил? Заблудилась с тремя навигаторами? – Харт жаждал размазать меня тут же без суда и следствия. Он медленно приближался, а я инстинктивно шагала от него. – Может, я даже выслушаю…

– У меня допуск… – начала было я.

– Третьего уровня, дура! – рявкнул он. – Я тебя запру тут до конца жизни! Успеешь выучить отличие одного от другого!

– Вы никогда не предоставляете адекватную информацию об уровнях операций – неудивительно, что мне выдали кривую информацию! Все, что удается узнать, доходит до нас без уточнений! И я буду нести ответственность по закону, а не по вашим личным пожеланиям!

Долго «благоразумно молчать» у меня никогда не получалось. Зря. Этот мужик – чистокровная зверюга, а сейчас у него явно плохо с выдержкой, которая обычно ему вряд ли изменяет. Сложно было найти более неудачное время, чтобы попасть под его горячую лапу.

– Тебе и в аду вряд ли удастся представить мои личные пожелания!..

Он уперся в разделявший нас стол, и мои ноздри заполнились запахом тлеющего тестостерона, густо замешанного на порохе. Глаза его при этом сверкнули желтым, и я схватилась за стол, на полном серьезе собираясь бежать от него по кругу, если выпустит клыки с когтями.

– …Там погибли мои подчиненные! По твоей вине!

И он пнул стол с такой силой, что тот отлетел к стене и срикошетил бы в меня, если бы Харт не дернул за шею к себе.

– Пусти! – вскричала я.

Допросная сузилась до кроличьей норы, и меня вжало в грудь бешеного мужчины так, что перед глазами потемнело. Я вцепилась в его футболку ногтями, задыхаясь от силы, которая, как жидкий металл, опалила голую кожу… Всего пара вдохов, и он вдруг со злостью запустил пальцы в мои волосы. Но это не показалось чем-то нереальным, наоборот – я откуда-то знала, что так сейчас будет. Злость мужчины била по нервам, будто стала моей собственной.

– Н-н-не надо, – проскулила жалко. Остатки разума отказывали от страха…

…или от чего-то другого?

Харт вдруг потянул за волосы сильней, и я оголила шею, подчиняясь, будто в тумане… Где-то на грани осязаемого билась мысль, что я знаю, почему все это происходит. Но было слишком страшно принять это знание. Как и чувствовать его горячее дыхание на коже под челюстью. Когда к нему добавилось низкое грудное рычание, я не выдержала и дернулась из его хватки. Бесполезно. То, что под ладонями вместо его напряженного тела вдруг оказалась холодная ободранная стенка, не дало никакой надежды – на горле сомкнулись жесткие пальцы.

Перед глазами демонами плясали тени, от напряжения, казалось, лопнут нервы. Я чувствовала, как его жесткие губы накрыли вену на шее, но даже пикнуть не успела, когда сознание взорвалось от жгучей короткой вспышки боли… Будто курок спустил, и меня размазало по стенке. Душа рухнула в низ живота, ноги сжались в попытке сбежать и закрыться от сметающей силы, едва ли не рвавшей меня на части и требовавшей подчинения…

Этого не могло быть. Не могло… Харт и я… Он – элитный зверь, а я – выбраковка, пусть и в золотой обертке, но я не расцарапала ему морду, а он не перегрыз мне горло за неподчинение. Зато он меня… метил! Со всей страстью, на которую был сейчас вообще способен. Мне показалось, что он уже обернулся в хищника – в шею билось звериное угрожающее рычание, кожа горела от царапин, а мои вещи лопались и осыпались ошметками под ноги.

Когда Харт наконец совладал с моими джинсами и бельем, я едва дышала. Такое не пожелаешь пережить и врагу, когда одна часть умирает от ужаса и страха, а другая – дрожит от предвкушения. И тебя будто раздирает изнутри…

Химия играла в крови, заставляя верить, что его горячее тело способно унять мою дрожь. Но все было ложью. Харт вжался в мои голые бедра, не церемонясь. Способность мыслить, видимо, вернулась к нему, и он созерцал, что собирался сделать, но остановиться уже не мог. Слишком потратился в последние часы? А может даже недели – кто его знает? У него не было ресурса противостоять выбору зверя, иначе этого всего бы не происходило. Жесткие пальцы сильней сжались на горле, другой рукой он скользнул мне между ног, пуская по телу волну озноба. Я всхлипнула и задержала дыхание в предвкушении боли, но он не обратил на это внимания. И я уже не могла просить его остановиться – поздно. Нас надо было растаскивать сразу же, как он оказался рядом, но и это не гарантировало откат. А теперь – все…

Его острый поцелуй в метку едва не лишил сознания, и я дернулась от его первой попытки в меня войти. Но шансов не было – Харт только сильней вжал меня в стенку и безжалостно толкнулся членом, преодолевая сопротивление одним сильным рывком. Я вскрикнула и забилась в его хватке, но очередной укус в шею превратил меня в куклу. Запах мужчины впитывался в кожу, лишая страха. Харт качнулся назад и вернулся с силой, выбивая из моего горла новый вскрик, замер, тяжело дыша…

…и вдруг потерся обреченно о мою скулу.

Мы оба знали, что жизнь превратится в ад. И все, что отделяло нас от него – эти минуты.

Когда он двинулся снова, с моих губ сорвался стон. И еще один… и еще… Боль отпустила, сменяясь на что-то такое, что в здравом уме не предпочтешь. Но сопротивляться больше

не было ни сил, ни смысла. Он перехватил меня поперек ребер, вжимая в себя, и задвигался жестче и яростней. Голодный – это чувствовалось в каждом вдохе. И теперь я стала единственным средством утолить этот голод.

Чем же ты так задолжал судьбе, что тебе подсунули такой счет? А я?

Но он не задавал себе вопросов – зверь поставил условие и не дал выбора. Нам обоим.

Голова кружилась, воздуха не хватало. Я царапала стенку ногтями, пытаясь не потерять сознание… когда вдруг внутренности скрутило резко и невыносимо.

Этот оргазм показался мне чудовищным предательством самой себя. Меня будто раздели догола и позвали весь город посмотреть, хотя единственным зрителем был Харт. И ему не было дела до моего состояния – его размазывало по мне от собственной разрядки. Кожа все сильней горела от его царапин, но задурманенный мозг воспринимал это как должное…

Пока в дверь вдруг не стукнули.

– Мистер Харт?! – крикнул кто-то.

– Не входить! – рыкнул он.

Все еще во мне, все еще еле дышал…

Но безумие потихоньку отпускало, холод помещения и ужас произошедшего застывали в жилах. Я слышала, как он в ярости скрипнул зубами и отстранился.

– Сейчас вернусь, – прохрипел сдавлено.

Глухой стук пряжки ремня показался новым выстрелом. В упор. Я сползла по стенке на пол, давясь слезами. Как же хотелось провалиться сквозь землю…

Глава 1

– Мистер Харт, прошу, откройте! Это адвокат мисс Линдон.

Я выпрямила спину насколько смогла. Быстрые шаги, щелчок замка…

– Мистер Харт, – послышалось ближе, и я нашла в себе силы развернуться спиной к стенке и съежиться, обняв себя руками. – Мисс Линдон…

– Я принесу ей вещи, – процедил Харт и удалился.

– Мисс, – кинулся ко мне папин адвокат… кажется, Джонсон… – Донна…

Я смотрела на него, не моргая, и видела во взгляде все. Не нужно быть особо проницательным, чтобы понять, что именно тут случилось – все будут чувствовать это еще долго. Да и по мне было все понятно. Не зря говорят же о таком виде «кот драл». Какая-то часть меня хотела сдаться. Провалиться, удавиться и исчезнуть… потому что никакой суд меня теперь не защитит. То, что в человеческом мире является тяжелым преступлением, здесь – просто акт присвоения. Да, вынужденного. Для обоих. Но кому это интересно?

Джонсон так и не отмер, а Харт уже вернулся назад с одеждой, бутылкой воды и аптечкой.

– Вон выйдите, – рявкнул он на Джонсона.

И тот не мог не подчиниться. Потому что этот зверь теперь был моим владельцем. Пока адвокат ошалело ретировался, Харт вернул стол в обычное положение, разложил вещи и шагнул ко мне. Я попыталась не даться ему в руки, но какое там! Он подхватил меня и усадил задницей на холодную поверхность.

– Не трогай меня, – дрожащим голосом выдавила я.

– Рот закрой, – схватил меня за подбородок, вынуждая смотреть в глаза. – Не надо делать все хуже, чем уже есть. Если думаешь, что теперь тебе все можно – ни черта тебе нельзя, поняла?!

– Я – не твоя собственность, – дернулась из его рук. – Я тебе не породистая девочка, которых учат тебе в глазки заглядывать! Ты допустил ошибку сегодня, господин прокурор, и будешь за это отвечать!

Последнее, что следовало бы делать в эти минуты – угрожать. Лучшее – отползти на достаточно большое расстояние друг от друга и зализать раны. Но все лучшее уже было в моей жизни.

– Войны со мной хочешь? – притянул к себе, снова теряя самообладание. – Совсем ума нет ни капли? Как тебе третий уровень выдали? Папочка подсуетился?

– О, да, – оскалилась я, дрожа внутри все сильней. – Поэтому в твоих же интересах убрать от меня лапы!

Дьявольский оскал медленно завладел его жесткими губами, и он сжал пальцы сильней. А когда он заговорил, понизив голос, меня затрясло.

– Ты сидишь тут голая. Один на один со мной. С моей меткой, отметинами и запахом. И нарываешься. Уверена, что хватит ума и сил? – Он дышал все тяжелее, а это говорило о том, что его голод возвращался, а мозги отказывали не меньше моих. – Одно мое слово, и я запру тебя тут в одиночной камере – имею право и по факту задержания, и по факту твоей мне принадлежности. И уверяю тебя – твоему адвокату понадобятся недели, чтобы вытащить тебя отсюда хотя бы в соседнее крыло, где можно будет помыться. – Он сделал жесткую глухую паузу, давая мне возможность осознать полноту этой угрозы. – Ну что, продолжим ночь?

Он отпустил подбородок и дернул меня за ноги, вынуждая обнять его бедра. Между ног уперся его напряженный член, сдерживаемый штанами.

– Отпусти меня, – сжалась уязвимо, униженно сдаваясь. – Пожалуйста.

Харт с хрипом выдохнул и выпустил, берясь за аптечку. А я и не чувствовала, как саднили царапины. Душа болела сильней. Хотелось бежать. А еще – выть. Дико, до одури. А потом уже

забиться в угол и придумать, что сделать. Но приходилось терпеть невообразимыми усилиями, стоившими мне десятка лет жизни по ощущениям.

– Будет больно – скажи, – приказал он и приложил тампон к ребрам, бесцеремонно отодвинув мои сжатые на груди руки. Я только сцепила зубы и подняла глаза к потолку, шумно втянув воздух. Его запах снова сдавил грудную клетку, и я задышала чаще в порыве сдержать приступ дурноты.

– Дай мне самой. Дома. Пожалуйста…

Он медленно убрал руку, задержавшись на мне взглядом.

– Я даю тебе время до завтра, – жестко заговорил. – Собираешь вещи… и переезжаешь ко мне. Со всем остальным разберусь.

Внутри меня взорвалась сотня возражений. Мне даже показалось, я снова закричала. Но на самом деле только вздрогнула, задержав дыхание.

Когда он вышел, ко мне заглянул Джонсон. Оценив мой вид, тревожно поинтересовался:

– Донна, мне вызвать врача? Скажите, что мне сделать?

– Отвезете домой? – просипела я.

– Конечно.

Он вышел, а я кое-как пошевелилась. Тело болело и горело царапинами, а еще меня будто стеклами нашпиговали… Разве должно так быть, если он признал во мне свою пару? Или это из-за моей ущербности? Скорее всего… Породистая на моем месте сейчас бы, умирая, волочилась за ногами Харта, не чувствуя себя раздавленной и униженной. Даже порадоваться можно, что мне эта опция недоступна. Но радоваться не выходило.

Втиснуться в форменный мужской комбез стоило усилий, хоть тот и был на несколько размеров больше. Когда наклонилась подкатать брюки, меня чуть не вывернуло. Пришлось снизойти до бутылки воды, что он принес.

Джонсон ждал в коридоре:

– Простите, Донна, но я уже позвонил вашим родителям.

– Хорошо, – выпрямилась я, шагая рядом. – Мои вещи…

– Выдали, – адвокат продемонстрировал мне пакет.

– Шустро.

– Хотите обсудить стратегию?

Пустынные коридоры склоняли меня к мысли о том, что да, хочу. Для такой, как я, оказаться за решеткой – смерти подобно. Поэтому в Клоувенсе и нет смертной казни. Но стоило пройти через турникет и вдохнуть утренний воздух – мне захотелось бежать. Мысль о том, что Харт начнет меня шантажировать этим прецедентом, лишь бы добровольно пошла в его лапы, пускала сердце вскачь.

– Да, – твердо, как мне показалось, потребовала я. – Нужно подготовиться к делу о моем незаконном задержании. Я получила «код три» на эту операцию.

«Код» выдавался представителям прессы, освещавшим конфликты органов власти с преступившими закон. На «код три» я имела доступ. К «коду два» получу через пару лет… Если удастся замять это дело.

– Мисс Линдон, – опешил Джонсон, открывая мне двери своего автомобиля, брошенного у ступенек этого захолустного отделения. – При всем уважении, но прокурор Харт теперь вряд ли даст ход этому делу…

– Почему?..

Я уселась на пассажирское сиденье, чувствуя, что задыхаюсь. Пока Джонсон обходил автомобиль, я достала из опечатанного пакета свою сумку и извлекла из нее спрей от астмы.

– …Харт не может замять это дело.

– У него право неприкосновенности, которое автоматически распространяется теперь и на вас. – Джонсон завел мотор, и мы тронулись не спеша к воротам. – Я же правильно понял все, что произошло?

Я тяжело сглотнула и зло усмехнулась.

То, что произошло, сложно было уложить в голове. Потому что вероятность такого совпадения, что чистокровный зверь вдруг признал во мне пару, стремилась к нулю. Но и мое появление в семье чистокровных оборотней – тоже одна десятая процента. Я – бракованная особь, не могу обращаться в зверя, как вся моя высокородная семья. Такое обычно бывает, если один из родителей – человек. И таких «недооборотней» в Клоувенсе много. Но как я – по пальцам пересчитать.

До десяти лет я состояла на учете в генетическом центре, наблюдалась и «лечилась». Но ничего не вышло, и мне дали степень инвалидности, которую я пожелала им мысленно засунуть в задницу. Вслух смогла только в двадцать, когда мне предложили место на первом курсе юридической академии без экзаменов. Какой тогда был скандал! Дочь-оторва профессора Линдона вместо благодарности послала приемную комиссию на несколько букв, приличных только раздельно. Но скандал замяли, а мне позволили сдать вступительные экзамены.

Я смотрела на светлеющую полоску неба над крышами зданий промзоны и усмехалась. Теперь та жизнь казалась мне райской…

– Думаю, вы поняли неправильно, – хрипло выдавила я. – А я буду подавать в суд на прокурора Харта за изнасилование. Поэтому мы едем в больницу Ривери.

– Я отвезу вас домой – это просьба вашего отца. А оттуда поедете куда пожелаете, – сурово отозвался он. – Но мой вам совет…

– Мне не нужны советы.

Я складывала в голове факты. Наша совместимость – большой вопрос. На моей стороне неумолимая статистика – такой, как Харт, не может иметь избранницей такую, как я.

Обычно подобное происходит между «чистокровками», как я называла их – оборотень встречает пару, летят искры, и все разбегаются с его пути. И тогда его право законодательно превыше всего. Почему? Потому что у обоих нет вопросов – они действительно совпадают так, как только можно мечтать.

Просто природа делает все за них – притягивает магнитами, и разлепить уже невозможно.

Чем чище кровь, тем вероятней, что это случится. В высших кругах даже устраивают специальные приемы, на которые приглашаются молодые граждане Клоувенса с восемнадцати лет в надежде, что парни и девушки встретят свои пары. Моя сестра так и стала парой сына судьи.

Со мной же не могло произойти такого совпадения. А значит я могу давить на измотанное состояние Харта, мое униженное в момент произошедшего положение и превышение полномочий прокурором…

Мне хотелось ударить сволочь больнее за то, что он со мной сделал. За то, что стал первым вот так – в грязной вонючей допросной, мордой в обшарпанную стенку…

– Донна, приехали.

Оказалось, мы уже остановились на площадке перед домом. В гостиной горел свет, в столовой – тоже. Стоило хлопнуть дверцей машины, на крыльцо быстрым шагом вышла мама и замерла, кутаясь в халат. Тяжелее всего будет с ней. Потому что она единственная, кто всегда на моей стороне. Но сегодня ей на мою сторону нельзя.

Я шагнула на ступеньку, и мама спустилась навстречу. Не обняла – это сейчас обозначило бы ее слабость, а она знала, что нужна мне сильной.

– Я с тобой, – заглянула в глаза.

Я всмотрелась в ее – красные. Значит, уже всплакнула, чтобы никто не видел. И мне тоже невыносимо захотелось. Но я не могла повесить на нее неподъемное.

– Спасибо, – просипела и еле проглотила ком в горле. – Все под контролем.

– Ну под каким контролем?! – воскликнула она и прижала меня к себе, лишая стройных выводов и их призрачной опоры.

Стоило всех усилий, чтобы не сорваться в истерику прямо в ее руках. Но я устояла. В основном, благодаря плану мести. И пониманию, что меня от него будут отговаривать всеми силами.

– …Пойдем.

В гостиной было уютно, пахло кофе и выпечкой. Все неправильно. Не было в моем мире больше всего этого. Была боль. И я уперлась на входе:

– Мне нужно в душ.

– Мне побыть с тобой? – участливо заглянула в лицо мама.

Я только мотнула головой:

– Скоро спущусь.

Глава 2

И снова для себя было не время. Если развезет сейчас – они все поймут. Нет, не о них я думала. А о себе. Мне нужно было остаться самостоятельной при любых условиях! Я ни за что не посыплю голову пеплом и не сдамся на милость этого зверя! Каким бы идеальным вариантом это всем ни казалось.

Я содрала с себя комбез, наскоро обмылась… Челюсть уже болела от того, как сжимала зубы все это время, а тело будто пропустили через мясорубку. Я не чувствовала ничего из того, что должна бы… Природа никак не смягчила для меня этот удар – зачем это бракованной?

Когда я выползла из душа, лужайку перед двором затопило рассветом. Хотелось одного – залезть под одеяло и скрутиться в комок, но я кое-как собрала остатки сил и спустилась в гостиную. Увидев отца в кресле, поняла, что не представляю, как посмотреть ему в глаза, хоть и понимала, что не виновата.

Мы все же не звери. И инстинкты заботы о детях больше напоминали человеческие, со всеми переживаниями. Кто-то относился проще к таким вариантам заключения союзов, кому-то давалось тяжело допустить, что твоего ребенка постигнет такая учесть – быть раздавленной зовом самца. Из-за моей сестры они переживали сильно.

– Донна…

Я вздрогнула, когда услышала голос отца. Но пришлось разогнуться, расправить плечи и встретиться с ним взглядом:

– Привет…

Он проследил за мной, не сказав ни слова. С отцом отношения всегда были сложными. Мне казалось, если бы не мама, я бы и не звонила ему и не появлялась на пороге дома. Но сегодняшняя ситуация вернула меня на его территорию в основном из-за мамы. Мне важно было ее успокоить. А вот рассчитывать на поддержку не имела права.

В гостиную вошла девушка с подносом. Снова новенькая. Они, как и я, не могли долго выносить отца. Только, в отличие от меня, могли выбирать.

– Присядь, – кивнул он на кресло. – Расскажи.

– Пап, ты думаешь, о таком легко рассказать? – взвилась я с пол оборота. – Тем более, ты все знаешь. Джонсон тебе доложил.

– Я хочу знать твою версию, – даже не дрогнул он. – Сядь.

Я прерывисто вздохнула и опустилась на кресло.

– Меня трахнул Ронан Харт, – процедила я.

– Присвоил, – начал он со мной войну. – Так и знал, что начнешь носом крутить.

– Пап, скажи уже все, что хотел, и я поеду домой, – взяла себя в руки, потому что в гостиную в этот момент вошла мама и бесшумно скользнула за спину к столу.

– Ты со своей гордыней и комплексом неполноценности, которые жрут тебя, как демоны, наворотишь сейчас дел, – жестко заговорил он, сверкая глазами. – Успокойся. Прими Харта. Тем более что он уже заявил о своем желании принять тебя…

– Виктор, я бы послушала, чего хочет Донна, – мягко скорректировала ход беседы мама.

Отец сжал зубы и прикрыл глаза. Я знала – он хотел сказать, что знает все, чего хочу я, и его это не устраивает. Но он слишком уважал и ценил мать. Наверное, меня бесила не его жесткость и авторитарность – он умел их сдерживать, – а зависть, что у меня так не будет…

– Донна…

– Вы же понимаете, что не мог он меня выбрать?

– Он готов тебя принять, – надавил отец.

– Только чтобы уйти от ответственности! Не нужно мне такой чести, – рыкнула я, поднимаясь.

– Донна, не делай глупости!

– А ты представь себя на моем месте! – сжала я кулаки. Голос сорвался на крик. Чувство, что останусь одна со всем этим, подкосило и без того нетвердую веру в себя. – Вонючая допросная, безумный прокурор и я мордой в стену!

– Донна, – мама оказалась рядом и обняла за плечи. – Садись, родная… Давай выпьем чаю…

Я закатила глаза, но повиновалась.

– …Мы знаем, что тебе пришлось жутко… Но в этом никто не виноват. Все же понимают, что просто так Харт на тебя бы не кинулся…

– Буду давить на то, что он был в ярости из-за гибели своих подчиненных, – сосредоточенно соображала я.

– Донна, ты же не собираешься…

– Что? – вздернула я нос, встретив прямой взгляд отца. – Высказать свое мнение? Меня тошнит! От всего, что случилось, и от того, что в нашем обществе это считается нормальным!

– Это считается нормальным, потому что это обусловлено нашей природой! Противостоять этому может только полный идиот!

– Значит, я у тебя идиотка! – поднялась я. – Хватит с меня! Меня не готовили к этому!

– Тогда стоит подготовиться, – сурово сдвинул брови отец. – Потому что Харт не только добьется своего, еще и раздавит тебя с этим противостоянием. Все это будет похоже только на то, что журналист решила себе имя заработать! Не глупи, Донна!

Я замерла, обняв себя руками:

– Тебе не представить себя на моем месте, – дрожащим голосом выдавила я. – А жить всю жизнь и вспоминать свой первый раз с ним… Я не хочу так.

И я направилась прочь из гостиной.

* * *

– Рон…

Я поднял голову от сложенных перед собой на столе рук с таким невероятным усилием, будто мозги начинили свинцом. Все, на что меня хватило, это дозвониться своему адвокату, чтобы уладил все юридические вопросы случившегося.

– Парсонсу уже отчитались.

Майк прошел от двери и тяжело опустился на диван у стены. Значит, министр безопасности уже знает о нашем провале и потерях.

Я медленно моргнул, глядя на своего заместителя – он выглядел пожеванным, будто из мясорубки. Ярко-рыжие волосы посерели от пыли, одежда порвана и вся в крови и пятнах грязи. Я не лучше. Только моя еще пропахла жесткой случкой и этой девушкой. И я добивал себя, не в силах подняться и содрать вчерашний день с кожи вместе с одеждой.

Мы год вели это дело. Я лично его контролировал. Потому что торговля детьми – а именно девочками, которые не могли оборачиваться – ставила шерсть на загривке своими подробностями. Отправной точкой стало обнаружение лагеря на окраине, в котором содержали краденых детей. Тогда девочек спасли, распределили по детским домам, а часть вернули родителям. Но нити вели слишком глубоко. А скорее – высоко. Кто-то проворачивал этот бизнес десятилетиями. Схемы безопасности преступников выработаны годами – пробить их было нереально сложно. Но нам удалось ввинтиться в сердце одной из группировок. И сегодня на очередной их встрече должны были повязать всех. Но что-то пошло не так…

– Журналистка не виновата, – тихо выдавил Майк. – Наших раскрыли еще до того, как я нашел ее на крыше. Да и вела она себя тихо и профессионально. Ни запаха, ни звука. Засек только по официальному маячку.

Я уже это знал.

– Кто-то сливает нас, – глянул на него многозначительно. – Подпустили ровно настолько, чтобы я мог надеяться на удачное разрешение дела. И наказали.

Майк сжал челюсти:

– Много работы предстоит, – сощурился зло.

– Езжай домой, – выдавил я глухо. – Через медпункт.

Заместитель кивнул:

– Ну и ночка… – тяжело поднялся, шумно вздыхая, и глянул на меня: – Как так с тобой вышло?..

– Не знаю, – отвел взгляд.

Уже неважно. Теперь бы разгрести по-тихому. Лишь бы сучка не взбрыкнула.

– Тебе точно не нужна помощь?

– Нет, – отрезал я.

Все смешалось в такой винегрет, что хотелось блевать. Эта подстава с захватом, засада, долбанная журналистка… и потеря контроля. Голова отозвалась тупой болью, а член заныл от очередного прилива крови.

Я грубо выругался, откидываясь на спинку кресла.

Когда в коридоре установилась стойкая тишина, я поднялся и поплелся к лифтам. Здание прокуратуры безмолвствовало. По-хорошему, надо было тоже ехать домой и ложиться спать. Но зверь внутри бесился и требовал вернуть ему ту, которую признал своей. Сейчас у него была одна цель – вымотать и подчинить меня, чтобы ослабил контроль и взял свое.

– Хрен тебе, – прошипел я себе сквозь зубы.

Успею наиграться. Сегодня заберу ее и оторвусь… Даже неделю отпуска, пожалуй, возьму, чтобы выбить дурь из…

Лифт открылся, но я не шевельнулся, пережидая прилив отвращения к самому себе. Дышать стало трудно, снова замутило и едва не вывернуло. Ее крик все еще стоял в ушах, а в теле болезненными обрывками пульсировало безразличие к ее агонии. Я настолько одурел от желания, что набросился на нее голодным зверем, вымещая злость и боль от потери своих… и безжалостно присваивая…

Кое-как выпрямившись, я втащился в лифт и нажал кнопку самого верхнего этажа, где был спортзал. Рассвет я встретил, жестко мочаля грушу так, что та даже не успевала качнуться ко мне, чтобы ответить взаимностью. Когда луч солнца не пойми как обошел все препятствия на своем пути и ударил в глаза, я очнулся и опустил руки. А следом – осел на колени, тяжело дыша.

«Так тебе, зверюга… – оскалился довольно. – Что теперь скажешь? К самке или домой?».

Только не то и не другое не довелось исполнить – я уснул в раздевалке, практически выпав туда из душевой. Последнее, что помнил – титаническое усилие, которым донес себя до лавочки…

Глава 3

Теплая весна в Клоувенсе была моим любимым временем года. Особенно когда в районе, где я купила квартирку, в квартале старых тесных дворов и густых заросших парков, вкусно пахнет лесом и кострами. Все казалось прежним. Поломанная лавочка у подъезда, пара нахохленных хромых голубей, ожидавших, когда бабки выползут поутру с семечками и разделят их насест, противный писк замка в ответ на приветствие электронного ключа…

Я была уверена, что, когда за мной закроется дверь моей квартиры, я заползу под одеяло и не вылезу до следующего утра… Что-то пугающее и темное творилось в душе. Я хотела мстить Харту за каждый вздох, что он сделал в моем присутствии.

И не одну меня не устраивало, что мужчине можно все. Судмедэксперты через одного страдали мужской солидарностью, и ничего им за это не было, только после этого организаций, борющихся за права женщин, становилось все больше. Еще пятьдесят лет назад за их деятельность сажали, но сегодня правительство наконец начало содействовать. Да и то потому, что в министерстве появились женщины с поломанными жизнями и судьбами. Их права уравнялись с мужскими, но по факту – далеко не всегда это работало. Но хотя бы надежда появилась у таких, как я.

Клоувенс – обособленная цивилизация оборотней-кошачьих. А все потому, что наши мужчины – беспросветные нарциссы, решившие, что лучше других. Да, цивилизация Клоувенса ничем не уступает Смиртону, но, в отличие от человеческой, сюда и мышь не проскользнет. Чтобы добиться выезда на свободные территории, нужно разбиться в лепешку. Мне. Мужчинам проще…

Я мечтала уехать, когда допустят до «уровня два».

Меня рвало на части несогласием и гневом. По-детски хотелось дать сдачи. Да и по-взрослому тоже. Какие бы нормы ни были приняты в нашем мире, это не значило, что на мои чувства можно наплевать. Ни жалости, ни заботы – просто присвоил и приказал собрать вещи.

– Да пошел ты, Харт! – процедила я с ненавистью, стоя в тишине кухни.

Я подниму такую волну резонанса, что ему мало не покажется!

И боль как-то поутихла – я перестала слушать звон осколков в душе, сосредоточившись на деятельности. У меня было, на что давить.

Отсутствие состояния привязки налицо хотя бы потому, что я не собираю вещи и не пью шампанское за удачный расклад.

При этой мысли я закатила глаза и повернулась к кофеварке.

Прокурор Ронан Харт – партия-мечта для породистой девочки. Многие на моем месте были бы счастливы. Бракованная – и вдруг стала избранницей чистокровного самца. Редкая удача! «Чистокровки» смотрели бы мне в спину, подыхая от зависти, высшее общество встало бы на уши, а Харт хлебнул бы косых взглядов и… сочувствия.

Я ведь радовалась, когда выяснилось, что я – выбраковка. Но это случилось уже после школы. А до этого я считала себя отбросом, недостойным общества. Мама тогда проводила со мной много времени, пытаясь защитить меня от самой себя. И ей это удалось.

Теперь все поменялось. Вероятность попасться какому-то самцу в пару казалась мне худшим раскладом.

Я как-то поинтересовалась у Раис, каково было ей ощутить это притяжение. Сестра долго думала, как объяснить, но ничего, кроме «ни с чем не сравнить – самое лучшее, что было у меня в жизни» не нашла сказать.

И вот теперь это «самое лучшее» случилось со мной.

Я залезла на разделочный стол и сгорбилась с чашкой кофе. Тело горело царапинами, и их жгучий шепот рождал волну мурашек. В ушах все еще билось дыхание мужчины, сердце

разгонялось, стоило перестать думать. Я трусливо пряталась, лишь бы не смотреть себе в глаза. Даже в зеркало ни разу не глянула… И вот тут по щекам покатились слезы. Сначала одиночные, потом потоком. Чашка с кофе дрожала в руке, хотелось швырнуть ее о стену…

Я выпила напиток залпом и сдалась, признаваясь себе, что мне нужна помощь. Кое-как совладав с мобильным, я отправила сообщение женщине, которая боролась в министерстве за права таких, как я. Мы познакомились, когда я взяла у нее интервью. И с тех пор часто общались по работе и не только. Вилма Вэй восхищала меня целеустремленностью, умом и харизмой.

Я написала ей сообщение, хотя это оказалось сложнее, чем могла предположить. Просить помощи у кого-то было непривычно. Но до суда я могу не продержаться – Харт, когда узнает, что я не собираюсь бежать к нему по первому кивку головы, взбесится. Он же замять это ой как хочет…

Стоило представить, что снова окажусь в его лапах, и меня начинало колотить с новой силой. Отыграется за все – уверена. Но пришлось запретить себе думать о поражении, не попытавшись выиграть.

Неожиданно пришла мысль – а как я вообще вляпалась в это? Мне же пришел «код три» – я не могла ошибиться. И доказать это смогу легко, пусть Харт подавится своими угрозами. В системе информационного агентства хранятся все входящие уведомления…

До обеда я занималась подготовкой заявления в суд. Адреналин и кофе спонсировали столько энергии, что усталость даже не напоминала о себе. Если не сделаю этого всего сегодня, могу не успеть сделать вообще. Оспорить намерение Харта меня забрать проще до того, как он это сделает. Я так увлеклась, что машинально ответила на входящий, не посмотрев, кто звонит.

– Ты понимаешь, что объявляешь войну всему высшему обществу?

Я задержала дыхание и скосила глаза в окно:

– Не хочу пока об этом думать…

– А придется. – Вилма, судя по звуку, затянулась сигаретой и выдохнула в трубку. – Ты проиграешь…

Ее слова ударили по и без того согнутому стержню внутри, и тот срикошетил болью в виски.

– …Но это не значит, что мы должны сдаться, – добавила она жестко.

– Нет такого варианта, – прошептала хрипло.

– Основания слабые, Донна. С твоей стороны. Но есть другие. С его. Готова меня услышать?

– Да.

– Возможно, не захотят отдавать такого породистого самца с золотыми генами в пару той, которая родить не сможет…

А вот теперь стержень хрустнул. Я зажмурилась и сползла спиной глубже в кресло. Чем я думала, когда говорила «да»? Захотелось взвыть.

– …Собирай себя, малышка, – смягчилась Вилма. – Понимаю, каково тебе сейчас. Но прямой партией тут не выкрутиться, придется юлить и договариваться.

– Он приедет за мной сегодня, если не сделаю заявления, – произнесла сдавленно, пытаясь совладать с голосом.

Мне казалось, что я все продумала, но Вилма непринужденно это все рушила.

– Мы сделаем заявление, когда придет время. Сейчас ты приедешь в нашу аккредитованную больницу на медэкспертизу. А после – жду тебя у себя.

* * *

В восемь утра я уже пялилась в стерильную стенку перед кабинетом медосмотра. Было противно. От себя самой. Еще вчера мне не приходилось напоминать себе каждую минуту расправлять плечи. Хотелось, чтобы поскорее закончилось это все, но врач, как назло, тянул резину. Даже когда двери открылись, меня не пригласили.

– Возникли проблемы, – вышел ко мне медэксперт, и тут же в глубине коридора послышались шаги. – Мне запретили вас принимать.

В этот момент из-за угла вышли двое мужчин в строгих костюмах и направились прямиком к нам. Тут уже плечи расправились сами собой, но что-то говорило – ни на кого это не произведет эффекта.

– Мисс Линдон, прошу отойти вас от дверей, – повысил голос еще издалека один из мужчин. – Вам запрещено проходить стороннюю медэкспертизу.

– С каких это пор? – сузила я глаза.

– Я – адвокат прокурора Ронана Харта, – остановился он в шаге вместе с приспешником, – Ридли Прайд.

Могло ли быть еще хуже? Да. Если самый знаменитый адвокат по семейному праву и спорам возьмется за мое дело. Врач кивнул конвою, развел руками и собрался ретироваться, пока его не остановило мое беспомощное возмущение:

– Да какого ж черта?! – угрожающе понизила голос я. – Я собираюсь подать на вашего клиента в суд за изнасилование! Мне нужна медэкспертиза!

– Вы можете это сделать только в одобренном учреждении, – и глазом не моргнул Прайд.

Мерзкий тип – невысокого роста, но смотрел так, будто я уже была перед ним на цирлах.

– У меня нет официального уведомления… – начала было я.

– Есть, – и он извлек из папки лист из тисненой бумаги.

К горлу подкатила желчь. Только за сопротивление я быстрее окажусь в лапах Харта. Надо было успокоиться и соображать.

– Я требую поверенного со своей стороны. – Первый шаг в этой заведомо проигранной партии был сделан. Отдача от ответного хода системы сметет меня с доски, но я попытаюсь. – Без него не двинусь никуда.

И я демонстративно шагнула к стене и опустилась на кресло.

– Можно оставить нас на пару слов? – обратился Прайд к присутствующим.

Доктор с облегчением захлопнул двери кабинета, помощник, или, скорее, представитель полиции, призванный меня скрутить в случае сопротивления, удалился из коридора, и мы остались с адвокатом одни.

– Донна, – поменялся тон Прайда на по-отечески участливый, – зачем сопротивляться?

– Имею право не согласиться, – равнодушно сложила я руки на груди.

– Это понятно, – кивнул он, – но Ронан Харт – выдающийся представитель правопорядка из семьи с безупречной репутацией. Тысячи девушек Клоувенса взвоют над новостью, что он выбрал себе пару…

– Меня интересует лишь тот вектор, который определяет мою жизнь в данный момент, – пропустила мимо ушей рекомендации. – Мистер Харт был беспрецедентно груб и жесток по отношению ко мне. Считаю это недопустимым.

– Мистер Харт готов принести вам свои извинения словом и делом. Медицинская экспертиза его состояния с большой вероятностью покажет его ответ на ваше совпадение…

– Ваша медицинская экспертиза, – перебила его многозначительно.

– Обсуждаемо, – схватился он за мои слова с цепкостью летучей мыши. – Но могу вас заверить, а мои личные рекомендации имеют вес, что он не имел целью вам навредить. Вы же знаете это, Донна…

– Давайте прекратим, – снова перебила я. – Меня не интересует его предложение и извинения. Я хочу, чтобы меня оставили в покое. Думаю, что представители нашей сияющей общественности сейчас благословили бы это мое пожелание.

– Я получил от мистера Харта задачу привезти вас к нему. Значит, он готов воевать за вас против… «сияющей общественности».

– Я бы на вашем месте перепроверила его состояние, а не рассчитывала на положительный результат по умолчанию.

Адвокат сузил глаза, азартно усмехнувшись:

– Сейчас проиграть можно с достоинством, оставив выяснения отношений и сатисфакцию за плотно закрытыми дверьми. Я даже подробности акта вашего присвоения мистером Хартом смогу стереть, будто их и не было. Вы станете надеждой таких же девочек, обреченных на одиночество. Сказочной Золушкой, которой повезло встретить принца, хоть ничто не предвещало. Но если вынесете это все на суд общественности, вам будет больнее во много раз… и вы все равно проиграете.

– Да пошел ты, – процедила, поднимаясь. – Я лучше буду Золушкой с чувством собственного достоинства. И каждый такой принц будет знать, что легко может не выйти. Наручники? – и протянула ему запястья.

Глава 4

Взгляд именитого адвоката скользнули по мне снизу вверх:

– Не паясничайте, – усмехнулся. – Пойдемте.

– Не пойду, – уперлась. – Хотите заставлять – применяйте силу.

– Донна, не доводите…

– Мистер Прайд, – послышалось вдруг позади, и в коридоре показалась Вилма. – Увидела твоего бульдога на пороге с поводком. Может, присмотришь, а то нагадит на клумбе…

Прайд криво усмехнулся, а я засмотрелась на Вилму. Ей около пятидесяти, но выглядела она сногсшибательно. Настоящая львица с королевской грацией и идеальной выдержкой.

Я слышала, что ее десять лет назад бросил муж. Ради внезапного влечения к одной из консультантов его компании. Экспертиза, конечно же, доказала, что она оказалась истинной. Но сама Вилма в это не верила.

– Оставь мою клиентку в покое, Прайд. Она не подписала уведомление.

– Это ничего не меняет.

– Зато меняют камеры наблюдения, на которых ты помахал перед носом моей клиентки бумажкой, а теперь угрожаешь. Я права? Или пересмотрим вместе?

– Ты же знаешь, что дело заведомо проигрышное.

Слабину в его голосе я ощутила явно. Черт, почему я не подумала об этом? Отказать подписать уведомление я не могла, но мне даже не предложили. Скорее всего, Прайд думал дать его мне на подпись в машине. Но Вилма мастерски раскрутила этот его просчет.

– За такие ты не берешься. Тебе просто неинтересно. А теперь у тебя есть важное дело – ответить на претензию, которую я отправила в твою коллегию по поводу нарушения процедуры.

Прайд оскалился:

– Ну хорошо. Я проинформирую своего заказчика о ходе дела.

Сволочь, знал куда бить. Не согнуться под тяжестью его обещания стоило последних сил. Но когда он исчез за поворотом, я все же опустилась в кресло.

– Я пойму, если вы откажетесь… – выдала глухо.

Я только тут осознала, что боюсь Харта. Когда Прайд доложит ему обо всем… немало дверей, что стоят теперь между нами, слетят с петель. Если я на самом деле его пара…

Странно добиваться правды, в которую сам не веришь.

– Не откажусь. Но будет тяжело. Пойдем, – и она открыла двери медицинского кабинета.

* * *

Я проснулся от шелеста душа. Не сразу понял, что не дома. Все тело болело, мутило так, будто вчера перепил прилично.

– Мистер Харт, вам помочь?..

В глазах двоилось, и я все не мог навести резкость на ком-то, кто склонился надо мной.

– …Давайте медиков сюда…

– Не надо, – прохрипел я и мотнул головой. Сесть стоило усилий. – Воды, кофе и обезболивающего.

Какого черта меня так таращило – хороший вопрос. Но, скорей всего, дело было во вчерашнем сексе и этой самке. Гормоны ударили в голову, и та теперь колется на части.

– Утро, босс, – присел рядом Майк, а раздевалка опустела. – Я пока разогнал всех. Точно не хочешь врача?

Я мотнул головой и сунул нос в чашку с эспрессо.

– Был бы я боссом, приказал бы тебе ехать домой и открыть сегодняшним числом отпуск.

– Поэтому босс я, – прохрипел я и запил кофе большим глотком воды.

– Я навел о ней справки – бойкая девочка. – Голос Майка еле заметно помрачнел. – Молодая совсем. Семья известная. Идеальная родословная. Только она инвалид – оборачиваться не может. Редкая мутация – по заключению института генетики.

– Я в курсе, – снова хлебнул кофе.

– И? – замер выжидающе он.

– И ничего… – сгорбился, болезненно сморщившись.

Надо будет озаботиться здоровьем этой «кошки с крыши», если она сама этого еще не сделала. У молодых дури в голове больше – нормальная не шлялась бы по крышам в эпицентре моих операций.

– …Мобильный мой не видел?

– Рон, ее не одобрят…

– Мобильный, – надавил, поднимаясь на налитые свинцом ноги, содрал противное влажное полотенце с бедер и прошел к шкафчику.

– А сам до медпункта не дополз, – укоризненно проворчал Майк в спину. – Еще ведь можно отыграть…

– Ты же хотел, чтобы я нашел девушку, – сощурился я в поисках шмотки.

– Я хотел, чтобы ты нашел девушку для сброса напряжения.

Напряжение не было проблемой – чем голодней я был, тем злее и опаснее становился на пути к цели. Это всегда срабатывало. Месяц целибата – и вооруженная операция проходила на ура, от меня разве что пули не отскакивали. Мне важно держать себя в наилучшей форме, иначе на черта мне эта должность? Днем я занимался делами, а ночами выходил на охоту. Идеальная жизнь… была. Только вышла осечка. И я сбросил все накопившееся на ту, которую успел вдруг выбрать зверь между двумя вдохами и одним ударом сердца. Нарочно не подстроишь.

– Вот я и нашел, – натянул на себя футболку.

Я предпочитал думать о том, что она делала в неположенное время и не в том месте. Хотя проблем у меня теперь полно других. И самое неприятное – объявить семьям погибших, что их мужья домой не вернутся.

– Мне нужны адреса ребят… Даррела я знаю. А Стивенсон…

– Со Стивенсоном все сложно, – поднялся Майк. – Мне только что доложили, что его восьмилетнего сына предстоит оформить в приют.

– Что? – обернулся я медленно от шкафчика.

– Жена умерла год назад. Ребенок был с сиделкой.

– Дерьмо, – оперся я руками о стенки шкафчика.

Я знал, что такое отец, убитый на задании. Мне было одиннадцать, когда моего не стало. Но у меня была мать.

– Харт, мне звонит твой адвокат…

Я обернулся и взял трубку из рук помощника:

– Харт.

– Доброе утро, мистер Харт. У нас проблемы.

– Быстрее.

– Мисс Линдон отказывается принимать ваше предложение.

Я медленно моргнул и… оскалился. Да так, что Майк нахмурился. Наверное, в глубине души… очень глубоко… я знал, что она не приползет. Я же смотрел вчера в ее глаза, и они пылали отвращением, а не похотью. Ни черта на нее не повлияла наша связь, только на меня. Токсин на какое-то время вынудил ее течь подо мной, но и на этом все. А сейчас девочка

вкушала всю горечь произошедшего и дергалась ящерицей на крючке. Ладонь сжалась в кулак – зверь ощерился внутри, не желая терпеть.

– И? – потребовал я почти человеческим голосом, уперевшись кулаком в стену.

– Я допустил оплошность, которой воспользовался ее адвокат, но это на пару часов. К вечеру мисс Линдон будет у вас, но, боюсь, в наручниках…

– Да хоть в ошейнике, – перебил жестко. – Она должна быть у меня сегодня.

– До связи…

– Сбросьте мне ее номер, – сузил я глаза.

– Может, это не…

– Жду, – не стал я слушать советов.

Хорошо, что вчерашний костюм мне так и не довелось помять – даже запах прачечной с него не вытрусил прежде, чем влез в спец форму. И теперь я шагал по коридорам здания будто заново, как если бы мне дали шанс что-то исправить. С деловой ипостасью я скорее мирился. Мне всегда было скучно сидеть и наблюдать сверху – тянулу в гущу событий. Но теперь было стойкое чувство, что этим воспользовались. Я закрыл за собой двери кабинета и набрал незнакомый номер, предоставленный адвокатом.

Трубку не взяли, и это неприятно дернуло нервы, сбивая дыхание. Поэтому когда на второй звонок вдруг услышал ее голос, стиснул зубы, чтобы не дать высказаться зверю первым.

– Прокурор Харт, – прорычал. Раздражение скрыть не удалось.

Я чувствовал, что меня раздирает на части, и собраться может помочь только девушка. Я от нее зависим, не она от меня. И это бесило.

– Что вы хотели?

– Встретиться.

– Вам ваш адвокат не сказал…

– Сказал. Давай поговорим.

Упрашивать было непривычно. Но я и так много всего натворил без спроса, потерплю.

– Просто поговорим? – дрогнул ее голос.

Ни черта она не радовалась отсутствию у себя зависимости.

– Прости за вчера. – Я замер у панорамного окна. – Я не хотел так. Но я хочу тебя себе…

Еще как! Стоило услышать ее голос, в мыслях всплыл и образ. Я хотел ее себе в той же допросной. Пару раз сразу, не разговаривая.

Она молчала. Слышал, как тяжело сглотнула, несколько раз набирала воздух в легкие, чтобы ответить, но снова выдыхала.

– Давайте встретимся, – набралась, наконец, смелости. – Но я хочу, чтобы вы обещали, что не потребуете меня сегодня к себе.

– И какой смысл? – сжал я кулак снова, а мысленно – горло своего зверя.

– Мне все говорят, что я проиграю, – усмехнулась она. – Так что вам стоит один день?

Рассказать ей, каково это – испытывать ломку от нее и чего мне стоит каждая минута? Усмешка показалась чужой – я ей покажу. Позже. Будет кричать, пока не охрипнет, как сожалеет, что не попала мне в лапы сразу.

– Обещаю, – процедил. – Мой водитель заедет за тобой в семь. И, Донна, ты была у врача или только у медэксперта?

– Это пока что не ваше дело, господин прокурор, – и сучка бросила трубку.

А я мысленно увеличил ее личный долг мне, едва не запустив мобильник в стену.

Мне нужно было подготовить собственную защиту против общества. Как бы ни хотелось никого слушать – придется. А еще – позаботиться о семьях погибших. Да и появиться перед начальством тоже не помешает. Но перед глазами разве что стекло не трескалось – с такой злостью я его мысленно крошил. Мне нужно было хоть что-то взять под контроль, потом будет проще…

– Майк, – прижал к уху мобильник, – а тот спец по генетическим отклонениям…

– Джастис Карлайл…

– Он. Еще в доступе?

– Да. Он всего пару месяцев тут, на выезд пока не наработал.

– Попроси явиться ко мне. Не дави. Но как можно быстрее. Идеально – через минуту.

– Понял, – выдохнул понимающе заместитель.

То, что девчонка не оборачивается, само по себе ни о чем не говорило. Я знал, потому что мы пытались найти закономерность между похищенными девочками. Для этого и вызвали Карлайла. Преступники выбирали именно тех, отцы которых были людьми. Позорно, конечно, но дискриминация таких полукровок въелась несмываемым пятном в репутацию высшего общества Клоувенса. Мне самому было невыносимо смотреть в глаза подчиненным, которые ничем не уступали чистокровным, но рвали жилы за меньшее, гораздо дольше карабкаясь по служебной лестнице. И за каждого приходилось биться с министерством в кровь.

И сегодняшняя встреча для отчета не стала исключением. Я требовал полноценного возмещения семьям погибших, несмотря на то, что оба подчиненных были полукровками.

– Харт, – поднял на меня налитые кровью глаза Парсонс, – прикрути пар из ноздрей. Я понимаю, что у тебя потери…

– Вычитайте из моего жалованья…

Я был не в ресурсе. Хотелось закончить быстрее, тем более Карлайл уже сидел в кабинете, судя по последнему сообщению заместителя. А я тут продавливал натуральный ковер перед столом своего начальника Стивена Парсонса. Понимал, что зарываюсь, и что у Парсонса опыта танцев с системой гораздо больше. Но у меня был кредит его терпения. Сегодня выберу его до дна.

– …И разрешите идти.

– А не охренел ли ты, Харт? – медленно поднялось начальство, упираясь ладонями в стол. А я ясно увидел его льва, топорщившего шерсть на загривке. – Или от самки так повело?

Я скрипнул зубами, встречаясь с ним взглядом.

– Хотите проверить меня на профпригодность? – потребовал с вызовом, и зверь внутри оскалился.

– Не нарывайся, – стукнул он кулаком по столу. – Надо в отпуск – так признай это и катись к чертям с моих глаз решать свои личные проблемы, а не изображай тут железобетонную статую, начиненную взрывчаткой!

Я шумно выдохнул, опуская плечи:

– Прошу прощения.

Парсонс сверкнул глазами, опускаясь в кресло:

– По компенсации решим. Но с сиротой проблема.

– В смысле?

– Он на четверть оборотень, Харт. Даже не наполовину.

Я только сжал зубы, но благоразумно промолчал.

Глава 5

В своем кабинете был уже через пять минут – удобно работать с начальством в одном здании.

Ученый сидел у меня в кресле, всем видом выражая, что думает о моем вызове. Я не виделся с Карлайлом лично, только изучал его заключение. Но, бегло глянув, поймал себя на том, что испытываю уважение. Этот тип не боялся бросать вызов системе. Работал на правительство Смиртона в человеческой цивилизации и каждый раз возвращался домой через жесткие допросы, но неизменно доказывал ценность полученного опыта. Исправно выполнял требования и снова возвращался к людям. На острие ножа…

Я быстро прошел к столу, но чертить границу между собой и ним не стал – оперся о столешницу, сложив руки на груди.

– Вам предложили кофе?

– Ошалел от любезности, – поднял он на меня глаза. – Мне нечего добавить по вашему делу.

– Я по личному, – оттолкнулся от стола и направился к соседнему креслу. – Мне нужна консультация по моему случаю.

Глаза ученого блеснули недоверием. И я решил, что продемонстрировать уважение к его времени не будет лишним:

– Вчера я неожиданно встретил свою пару. Но она не может оборачиваться, хотя оба родителя – чистокровные оборотни. А у нее какая-то редкая генная мутация.

По мере того, как я говорил, Карлайл выпрямлялся в кресле, а физиономия его при этом переливалась всеми оттенками эмоций изумления. С которыми он, тем не менее, быстро справился:

– Редкий вариант, – нахмурился и откинулся на спинку кресла. – Вам нужны прогнозы? Чтобы – что?..

– В смысле? – подобрался я.

– Связь была случайной, как я понимаю.

Интерес в его взгляде угас. По крайней мере, для меня.

– Да.

– Я могу сделать вам любой прогноз, и он будет верным. Зависит от того, какой вам нужен, – серьезно заявил он.

– Вы шутите?

– Я сижу в кресле в кабинете прокурора. Мне не до шуток, – процедил раздраженно. – Такие особи как ваша непредсказуемы. В моей практике несколько таких случаев.

Мне показалось, тут имеет место быть что-то личное. Но раздражение, густо замешанное на голоде, мешало сосредотачиваться на чужих эмоциях.

– Могут быть дети?

– И дети. И обернуться может. А еще это – секретная информация.

Я усмехнулся:

– Наши из отдела исследований бы посмеялись…

– Даже не сомневаюсь. – Он впервые позволил голосу досадливо дрогнуть. – У ваших спецов нет того опыта, что есть у меня. Вы просите прогноз – я вам его даю: никто не знает, как сыграет ген. Если девушка была невинной, то все самое интересное у вас впереди. Но не значит, что самое лучшее. Варианты бывают… неожиданные.

– Например?

Чувствовал, что можно выжать из него сейчас что-то, что он не собирался говорить, что какая-то его личная брешь давала слабину.

– Не знаю, – соврал. – Но могу сказать уверенно – будет нелегко. Если готовы к жертвам, то смело надевайте кольцо ей на палец. Она станет вашей самой большой проблемой.

Наши взгляды встретились, а звери посмотрели друг на друга из глубины души. Горный лев, значит. С гонором. Понятия не имел, почему мне вдруг стал интересен этот ученый.

– Мне нужно официальное заключение.

– Вы знаете, – усмехнулся он, – я здесь в таком веселом положении каждый раз, когда меня слушают, с удовольствием зовут на случаи, в которых не могут ничего понять… но вот подпись моя на документах не котируется. Официально результаты моего многолетнего опыта не имеют никакого веса на моей родине.

– И все же – сделайте заключение, – надавил я.

Он долго пристально смотрел мне в глаза.

– Рекомендую предоставить мне свою кровь. Только без официальной отметки и моего отчета.

– Хорошо, – медленно кивнул я.

– Экспертизу прошли по факту произошедшего?

– Нет пока.

– Сколько времени прошло? – скептически потребовал он.

– Меньше суток.

– Тогда пусть из лаборатории для вас принесут набор для взятия крови. Скажем, для очередного расследования…

– Хорошо, – настороженно кивал я. А этот тип совсем не прост.

Через пятнадцать минут ему принесли все необходимое, и он взял у меня кровь.

– Все, – спрятал пробирку в карман рубашки. – Могу идти?

– Идите. Но будьте на связи.

– Куда я денусь? – И он вышел.

* * *

Весь остаток дня после экспертизы и разговора с Вилмой я предпочла отсыпаться. Проснулась, когда за окном стемнело, и, как это часто бывает, пожалела, что вообще уснула. Рабочий мобильный разрядился от шквала входящих, информация о которых пришла на почту. Краткого отчета моему боссу не хватило – он требовал подробностей. Конечно, я не сказала пока, что на самом деле произошло. Для всех коллег – я провела ночь в допросной, а день – с адвокатом.

Время до встречи с Хартом я просидела за чашкой кофе и светскими новостями, в которых он светился. Стоило взглянуть на первое попавшееся фото, и у меня сжалось в груди. Устремленный в камеру хищный взгляд вернул воспоминания о прошедшей ночи в деталях. А его слова «хочу тебя себе» лишали всякой надежды. Может, лучше сдаться и попытаться устроиться в новой реальности?

Я замерла с этой мыслью, почти физически ощущая, как тело наливается мерзкой жижей отвращения к самой себе. Согласиться на то, что этот властный зверь, не знающий слова «нет», получит меня после всего с потрохами и обещаниями, что не пикну против его воли? Уговорить себя, что так и должно быть – ну подумаешь отодрал, как последнюю шлюху, в камере?

А еще я боялась. Таких, как я, общество не жаловало. Не знаю, кого во мне видел Харт – покорную девочку, которая будет счастлива оказаться в его распоряжении? При одной только мысли бросало в холодный пот. На его месте было бы здравой идеей вообще спрятать меня ото всех и не показывать, сделав вид, что меня нет. И никто его за это не осудит.

Я скосила глаза на экран, давая себе второй шанс выдержать хотя бы его виртуальный взгляд. На фото Харт был на приеме правящего по случаю итогов года. Никакой статики –

вся поза, взгляд напоминали хищника в прыжке. А Харт и был им. И черный костюм с белой рубашкой ему шел так, будто был второй кожей. Да, пожалуй, будь я, как моя сестра, сошла бы с ума от счастья пробежаться по красной дорожке с ним рядом. В жизни, которую он мне мог предложить, на другом конце существования в его тени были осуждение общественности и зависть. И снова непохоже на мечту.

Я полистала новостные статьи – негусто. Не отвечает Харт камере взаимностью, несмотря на то, что та его безмерно любит. На всех фото он позволял себя любить. В желтой прессе засветился в списке самых завидных холостых мужчин Клоувенса. А по романтике – короткие непродолжительные связи в количестве четырех штук за тридцать два года жизни с мало известными женщинами. Слишком занят карьерой. Я пыталась найти хоть что-то, что позволит расслабиться и понизить его рейтинг опасности в своих глазах – выговоры, неудачи, нелепости… Ничего, что так любят мои коллеги. Всегда с иголочки и с идеальной репутацией. Либо его таким выставляют.

Короче, ничто не затмило в памяти его злость и отчаянье, когда обвинил меня в смерти своих подчиненных.

В общем, когда пришло время выходить из дома, нервы искрили, как кабель под напряжением. Того и гляди замкнет. Единственное, что меня держало на ногах – надежда на то, что договоримся полюбовно, и это его «хочу тебя себе» продается за ту цену, что озвучу я.

Понятия не имела, куда он меня потащит. К себе в офис? Домой? В кафе? Оказалось – последнее в квадрате. Я оглядела себя в отражении зеркального стекла дорогой тачки, пока та не успела отъехать – джинсы, топ, клатч и кроссовки на случай, если придется драпать. Не разоделась я для того ресторана, на пороге которого меня встретили и провели к обособленному VIP-столику на крытой веранде. Можно было подумать, что он заботится обо мне – я ведь мерзну на весеннем ночном ветру, в отличие от него. И это далеко не все наши различия…

Харт стоял у столика – руки в брюках, рубашка с ослабленным воротом, в котором можно рассмотреть вязь массивной цепочки с металлическим жетоном. Я помнила его недолгий обжигающий холодом танец между моих лопаток… Голова низко опущена, и глаза, устремленные на меня, в полумраке слегка бликуют желтым.

– Садись, – приказал он глухо, кивая на стул.

Я повиновалась, не без труда отодвинув тяжелую конструкцию от стола. Он намерено не приближался. И не собирался меня обслуживать. Так плохо все с ним под моим влиянием? Об этом я как-то не подумала и, забывшись, проследила взглядом, как опускается на стул, не спуская с меня глаз. А если для него вообще неприемлемо со мной договариваться?

Подобные связи у истинных почти необратимы. Но у них и вопросов никогда друг к другу не бывает. А что будет с нами?

– Как себя чувствуешь? – сузил он на меня взгляд, и я, опомнившись, отвела свой.

– Нормально.

– Была у врача?

– У медэксперта, – вздернула я подбородок с вызовом.

– И что сказал медэксперт по поводу твоего здоровья? – В голос вплелись низкие рычащие вибрации.

– Ничего.

Чувствовала себя все больше как вчера в допросной. Внезапно захотелось ему ответить хоть как-то, чтобы он не терял выдержку. Зря я согласилась на встречу.

– То есть вместо того, чтобы позаботиться о здоровье, ты решила попробовать на прочность мои обещания? – И он сложил руки на столе, а мир выцвел до равнодушной серой стены.

– Я не пойду к тебе, – прошептала хрипло.

– Почему? – склонил он низко голову.

– Зачем я тебе? – облизала пересохшие губы. – Тебя заклюет твоя же элита, осудит и не даст спокойно жить…

– Это мое дело, – жестко отбрил он.

– А мое? – Сердце выстукивало в груди непонятные послания, сбивая мысли и мешая дышать. Я смотрела в его глаза и чувствовала, как слабею. Неужели и на меня действовала наша связь? – Как мне со всем этим жить?

– А как ты хочешь жить? – хрипло прорычал он.

– Я не хочу жить в Клоувенсе и что-то кому-то доказывать.

Наш разговор перешел на какой-то завораживающий шепот, и каждое слово отдавалось вибрацией в груди.

– Боишься доказать, что достойна быть равной? – сузил он глаза.

– Это мой выбор – доказывать или нет.

– Я не даю тебе выбора. И не давал. А сил противостоять мне у тебя нет.

– С чего ты взял?

– Выбрала бы вчера камеру, – безжалостно припечатал он. – А ты поджала хвост и умоляла тебя отпустить.

– Может, еще на кулачный бой меня вызовешь? – возмутилась я. – Я не драться с тобой собираюсь.

– Лучше бы дралась, – оскалился он. При этом пожирал меня взглядом, будто уже припер к стенке.

– Я предлагаю тебе сделку. – Понятия не имею, как я вообще вспомнила, зачем пришла. Его усмешка сказала мне все и сразу – чхать он хотел на мои предложения. Поэтому вышло жалко: – Я не буду подавать на тебя в суд за изнасилование, если ты… – его оскал стал ярче, и мое сердце споткнулось в груди, – …если отзовешь своего адвоката.

– Беги, Донна, – вдруг подался он вперед, сужая злые глаза. – Я отпускаю тебя последний раз.

Как я вырвалась из щели между неподъемным стулом и краем стола – сама не поняла. Из ресторана я вылетела пулей. Кажется, меня пытались остановить и уговорить сесть в машину, чтобы отвезти домой, но я только отшатнулась и зашагала по улице быстрым шагом, пытаясь успокоиться…

Глава 6

Как я сдержал зверя и не позволил за ней броситься – непонятно. На столе остались глубокие борозды от когтей. Жилы, казалось, лопнут от напряжения, но я никуда не дернулся – стоял, опершись о стол, и пытался восстановить дыхание.

Хороша, сучка. Мне все время казалось, что говорю с ней механически, да и несложно было – она несла чушь. А сам пожирал ее взглядом, дурел от запаха и вида моих отметин на открытой шее. Хотелось, чтобы она заткнулась. Какое все это имело значение, если невозможно было думать, дышать и смотреть и не видеть ее перед собой?

Сутки, девочка… Я даю тебе сутки. Больше я не выдержу, да и не должен. Мне нужно было приводить голову в порядок, а это невозможно в таком состоянии.

Понемногу звуки и запахи возвращались в мой мир, но ее след горел перед глазами, поэтому несложно было понять, что девчонка не воспользовалась автомобилем. Если бы нужно было ее настигнуть – сделал бы без труда.

– Убежала, – констатировал мой водитель. – Диккенс пошел за ней.

Я повернул голову в ту сторону, где в воздухе таял ее след. Шумно вдохнул, с удивлением замечая нежный аромат каких-то цветов. Кажется, от куста, усыпанного розовыми цветочками, росшего на ближайшей клумбе. Как давно я не чувствовал ароматов? Только запахи – безликие, механические, полезные и не очень. Улица немного расплывалась перед глазами, дрожала светом ночных огней, заставляя слезиться глаза.

– Поехали, – скомандовал глухо и дернул ручку автомобиля.

В салоне достал пачку сигарет из пенала между сиденьями.

– Домой?

– В офис, – извлек зажигалку из пачки вместе с сигаретой. Давно не курил.

Не до отдыха было сейчас. Я планировал раскидать перед глазами детали того, что случилось прошлой ночью, изучить записи и отчеты. Это как раз займет время до утра. А потом возьму пару дней отдыха – изматывающего, полного удовлетворения своих похотливых инстинктов и, уверен, беготни по двум уровням моей квартиры. Буду заглаживать и зализывать вину на каждом сантиметре ее кожи, хочет она того или нет.

Офис встретил унылой тишиной… и запахом кофе. Майк вышел из соседнего кабинета:

– Пересмотрел камеры. Тебе оставил персональные отчеты погибших. Как ты и просил.

– Хорошо, – кивнул и направился к себе.

– Как прошло?

Я усмехнулся, усаживаясь:

– Сбежала.

– Да ладно?! – восхищенно усмехнулся Майк. – Позволил, небось.

– До завтра. Как раз поработать ударно.

– Не хочу расстраивать…

– Вот и не надо, – клацнул я по клавиатуре, запуская систему.

– …звонил твой отчим.

Я скрипнул зубами. Адвокат ему, конечно же, уже донес все. Я не отчитывался еще – не до него было. Да и не в приоритете он.

– Сказал, если ты не появишься лично у него завтра, то он приедет на работу.

– Пусть едет, – сощурился я на экран. – Думает, я не сделаю его пропуск временно недействительным?

– Обидится…

Но я уже не слушал – ушел с головой в работу и отчеты. Имя погибшего Стивенса напомнило, что есть один важный вопрос.

– По ребенку Стивенса решили с компенсацией?

– Не слышал. Да и не единственная это проблема. Он все равно переходит на попечение Клоувенса, а компенсация ляжет на счет, поэтому и не торопятся.

– Черт…

– Ребята были у него. Он говорить перестал. Отправили в психиатрическое пока.

Я прикрыл глаза, опускаясь лбом на кулак. В тишине кабинета ничто не мешало закопошиться под кожей собственным воспоминаниям…

Я почувствовал, когда отца не стало. Мне тогда будто сердце вынули, я перестал дышать почти, хватался за грудь… А потом отпустило. Будто кто выдернул изнутри что-то важное, и пустота заполнилась болью. И только через много лет – тишиной. У этого ребенка все это впереди…

– Можно к нему будет?

– Правда хочешь?

Я дал взглядом понять, что не стоит мне задавать подобные вопросы, и вернулся к монитору:

– На утро реши.

– Хорошо.

И я надел наушники, чтобы внимательно вслушаться в происходившее в заброшенной пекарне, где мы вчера устраивали облаву. Час за часом я буравил взглядом одну точку на столе, сдавливая карандаш между пальцев. Лист был почти пуст на временные отметки – так, пара непонятных фраз для расшифровки и очистки от помех…

А вот перед первыми выстрелами отчетливо слышался крик. Могло показаться, что это просто мат, но я все равно пометил временной отрезок и поставил в приоритет для расшифровки.

Когда оторвал взгляд от монитора, над городом уже светало. Очертания каменного квартала смешались в какую-то грязь. Я откинулся в кресле, теряя концентрацию, и в голову снова полезли мысли о журналистке.

Странно – нервы не дрогнули, горло не сдавило от сухости и жажды, но из груди вырвалось требовательное и взвешенное рычание: «Моя». Видимо, гормоны поутихли, наконец. Желание из одуряющего и смертельно опасного стихло до терпимо тлеющего. Голова стала, наконец, абсолютно ясной.

Глянув на диван, я не нашел на нем Майка, зато на краю стола стояла чашка с кофе. Потрогал, убедился, что он безнадежно остывший.

Было в этом утре что-то особенное – последний день прежней жизни. Странно, что не было никаких сомнений по поводу Донны. Я ведь не обществу вызов бросал, а себе самому прежде всего. Не нашел времени выбрать – зверь выбрал за меня. И неплохо так выбрал, надо сказать – девочка идеально соответствовала моему вкусу. В меру зубастая, дерзкая, заводная… И мордашка с фигурой – загляденье. Немного травмированная, но живая. А не все эти идеальные до ряби в глазах самки, которых то и дело натравливал на меня отчим. Страшно было представить, что на какую-то из них сделал бы стойку, но зверь ни разу не подставил – уносили ноги с поднятой головой и брезгливой гримасой.

Пожалуй, я даже был рад, что так вышло.

Я прикрыл глаза совсем ненадолго, откинув голову на подголовник… только откуда взялся этот солнечный заяц вдруг на морде?

Солнце определенно мне мстило за что-то – снова нашло и пырнуло в глаза.

* * *

Только-только начался рабочий день моего издательства, а я уже стояла на пороге приемной своего начальства – Кермана Лавера. Бывший военный журналист и советник, он и в атмосфере офиса новостного агентства «Таймстоун» добился жесткой дисциплины и самоотверженности. Мне нравилось у него работать. Мы не занимались светскими новостями. «Таймстоун» освещал политические, криминальные и городские новости. Здесь я казалась себя по-настоящему важной, независимо от моей «бракованности».

Надо сказать, что женщин в агентстве по пальцам пересчитать, а я вообще единственная, кто носится на передовой.

Босс был в офисе, как обычно, за час до официального начала рабочего дня. Этим я и воспользовалась, прокравшись к нему в приемную.

– Явилась, – не оборачиваясь, констатировал он.

– Вы наверняка знаете правду, – тихо пролепетала я, стоя у него в кабинете.

– Я наверняка знаю, что ты дура… – повернулся он ко мне от окна.

Никогда не отличался деликатностью, но я все равно разочарованно выдохнула, чувствуя, как ноги превращаются в желе. Тяжело признаваться себе, что зависишь от всех, и только сам по себе ты никто и ничто.

– …Но ты – моя дура. И терять я тебя не хочу.

– И почему же я дура? – сложила руки на груди.

– Принимать события не умеешь, – сдвинул он брови на переносице. – Не знаешь, когда надо погладить, а когда зарядить по морде когтями. Ты отрицаешь вместо того чтобы включить голову…

– Легко вам говорить, – перебила я, выпрямляясь.

Я всегда сжималась перед Лавером, но после Харта он вдруг показался мне вполне терпимым.

– А жизнь вообще нелегкая штука, и только говорить в ней, пожалуй, легче всего. Сложнее – правильно действовать. Поэтому мы с тобой и работаем теми, кто говорит, но ни черта не действует.

– Значит, не дадите мне осветить нарушение моих прав через наше агентство, – процедила я, задирая подбородок.

– Могу дать, – сурово ответил он. – Но только чтобы использовать тебя в качестве источника политического скандала и, как следствие, подъема рейтинга моего агентства. Хочешь?

– Мне все равно, – тяжело выдохнула я.

– Я об этом и говорю – ты дергаешься, не желая брать себя в руки. У Харта идеальная репутация. Станешь его парой – твой личный рейтинг взлетит, утрешь носы всем зарвавшимся, станешь богиней для таких же девочек, мечтающих о лучшем будущем…

– Я стану надеждой для тех, кто боится защитить себя в суде и быть осужденной обществом! – горячо парировала я, не сразу соображая, что как раз в этом случае он наживется на громком скандале гарантировано, чем в случае моей капитуляции.

Мы уставились друг на друга. Лавер – с искрящимся довольством в рыжих, почти тигриных глазах. Куда я лезу? Харт был прав – мне мозгов не хватит вести войну с этими матерыми хищниками. Я же бросаюсь на каждый солнечный зайчик на стенке, не разбирая, что мной просто манипулируют.

– Кофе, Донна?

Я только сжала губы, шумно выдыхая:

– Я сделаю.

Мне нужно было подумать. Потому что Лавер собирался мне дать все, что захочу – статью, шумиху, ничего… Ответственность на мне. Но и отступать я не стану.

Когда вернулась с двумя чашками, босс уже забыл обо мне и занимался текущими делами.

– До полудня я выпущу…

– Мне все равно, что ты сделаешь, – перебил он бесцеремонно, игнорируя кофе. – Вся ответственность на тебе. Иди действуй. Только адвокату позвони, прежде чем рушить ее стратегию на корню… Свободна.

Я развернулась и направилась в офис, сцепив зубы. Вилма действительно предлагала воевать теневыми методами. Даже советовала собраться и переехать к Харту сегодня, потому что ее стратегия требовала времени. Но я была против. Представить, что я добровольно сдамся и позволю к себе прикоснуться снова, было невыносимо. Да, босс прав – я истерила, как загнанный в угол зверь. Харта эта возня не остановит, а вот огласка – вполне. Но и разозлит тоже. Только я уже видела его в ярости и испытала на себе в полной мере.

Усевшись за рабочее место, я уже не сомневалась. В офисе все еще было тихо, и каждый удар пальцев по клавиатуре отдавался уколом адреналина в солнечном сплетении, но я упрямо набрасывала текст статьи. Не прошло и двух часов, а я уже отправила ее Лаверу на согласование. Получив тут же «одобрено», я запустила информацию в анонс – на сайте тут же замелькал заголовок: «Генеральный прокурор Ронан Харт обвиняется в изнасиловании». Мокрыми пальцами я настучала Вилме указание подавать обращение в суд для предварительного слушания. И сползла по спинке кресла, съежившись.

Кажется, я осталась одна против всего мира.

Глава 7

Я ненавижу запах больницы. Несмотря на солнце за окном, тело продирало холодом, стоило шагнуть в безликий белый коридор. Чувствовал себя черной кляксой на белом листе.

– Мистер Харт, прошу, – кивнула мне сопровождающая медсестра, – но, честно, не стоит…

– Я обязательно спрошу ваше мнение, когда оно понадобится, – и я шагнул в открытую дверь.

Ребенка в палате не было – был тигренок. Он лежал на кровати в ошметках пижамы, сложив голову на лапы, и еле заметно дышал.

– Где сосед?

– Обед, – послышалось позади. – А он отказывается есть. Вечером будем капать.

– Можете быть свободны.

Я направился к тигренку. Тот и ухом не повел на мое приближение. Даром что полукровка – чистейший зверь, ни одного изъяна. И занимал всю кровать, хоть не был еще даже подростком в человеческой ипостаси.

– Эрик, – позвал я тихо, замерев в центре палаты. – Мое имя Ронан Харт, я работал с твоим отцом.

Тигренок повернул ухо в мою сторону, но на этом все реакции закончились.

Я никогда не был силен в переговорах, не знал, что сказать сейчас. Что бы я хотел тогда, когда остался, потеряв отца, один? У меня ведь была мать… и дом. Но я чувствовал себя одиноким, потому что был уверен – никому меня не понять, ведь отца потерял только я один.

Я медленно направился к мальчишке, приблизился к кроватям и сел на соседнюю.

– Эрик… ты не один. Тебе кажется, что никого не осталось, но это не так. Твоя гувернантка спрашивает о тебе. Хочет усыновить. Вы с ней, оказывается, уже два года вместе. Она любит тебя как своего ребенка. Если хочешь, я могу помочь быстрее получить ей разрешение на усыновление.

Тигренок вдруг всхлипнул совсем по-человечески и втянул шерсть. Через минуту на соседней кровати ежился взъерошенный рыжий мальчишка. Он перестал дрожать, выпрямился и подтянул к себе худые коленки.

– Да, я хотел бы к Ронни.

– Хорошо. Я позабочусь о том, чтобы вы быстрее встретились.

– Сколько? – в устремленных на меня рыжих глазах было столько надежды, что я скажу «завтра».

– Дай мне несколько дней. Может, неделю. – Видя, как задрожали его ресницы, я присел на корточки у кровати, заглядывая ребенку в глаза: – Эрик, дай мне время. Службам опеки нужно убедиться, что у тебя будет все необходимое для счастливой жизни. А пока Ронни может приходить к тебе каждый день.

– А вы были там с папой? – вдруг спросил он, глядя мне в глаза. Я кивнул. – А почему вы не умерли?

– Так вышло.

– А почему папа умер?

– Папа выполнял свою работу.

– Он сказал, что скоро мы будем вместе, – всхлипнул Эрик.

А я нахмурился. Стивенс работал под прикрытием, он не мог обещать сыну, что вернется.

– Как он тебе сказал?

– Он приходил позавчера ночью домой. – По щеке мальчишки скатилась слеза. – Сказал, что скоро вернется, и мы будем вместе.

Я тяжело сглотнул, прикрывая глаза. Не факт, конечно, но нарушение безопасности моим подчиненным и могло сыграть роль во всем произошедшем.

– Часто вы виделись?

– Иногда, – съежился он. – Не надо было?

– Я не знаю.

Мы помолчали немного, прежде чем я решился напомнить ему о том, что нужно как-то начинать жить дальше:

– Эрик, нужно есть.

– Мне не хочется, – совсем потух он.

– Ты же понимаешь, тебе нужны силы. И Ронни не хотела бы, чтобы ты ослаб. Не давай им повода оставить тебя в больнице – нам будет сложнее тебя вытащить…

Почему ребенок должен сейчас быть сильным – непонятно, конечно. Он должен быть хоть в чьих-то заботливых руках, а не здесь. Майк сказал, что Ронни произвела на него хорошее впечатление. А еще она человек, и мне предстояла новая бойня с властью. Но мне не впервые. Надо будет встретиться с женщиной и лично убедиться, что ребенку будет у нее хорошо.

– А ты придешь еще? – догнал вопрос меня уже у двери.

– Приду, – обернулся.

– Хорошо, – кивнул он решительно.

Медсестра ждала меня в коридоре. Я протянул ей визитку:

– Вот мой мобильный – звоните, если вдруг что-то будет не так. Он – моя личная ответственность.

– Хорошо, мистер Харт, – кивнула она.

Уже на улице я вытащил мобильный и, игнорируя кучу пропущенных, набрал Майка:

– Мне нужно встретиться с сиделкой Эрика.

– Это все понятно, Харт, – бесцеремонно перебил он меня, – но у нас пока есть проблема важнее…

…Даже не думал, что пресса так живо среагирует. Не успел я доехать до здания офиса, машину окружила туча с молниями вспышек фотокамер. И вопрос у всех сводился к одному:

– Господин прокурор, что вы ответите на обвинение Донны Линдон?

Я испытывал смешанные чувства. Хотелось задушить идиотку лично… Но в то же время я восхищался отважной дурочкой. Вот так вот объявить на весь Клоувенс, что я ее изнасиловал – надо отчаяться серьезно. А я ведь и правда это сделал. Она не давала мне согласия, а я не спросил – не соображал в тот момент ничего. Только обстоятельств не отбросить. Трагедия лишь в том, что этой глупостью журналистка сделает больней только себе. И мне нужно постараться смягчить для нее этот удар. Потому что общество ее раздавит.

Я замер перед камерой на вдох, дожидаясь, чтобы эта чирикающая туча угомонилась.

– Донна расстроена тем, как именно произошел мой выбор, – заговорил в первый ткнувшийся в морду микрофон. – К сожалению, сложно было что-то изменить в тот момент… Поэтому вышло, как вышло.

– Вы выбрали Донну Линдон своей парой? – полетел следующий вопрос. Журналисты загомонили.

– Именно. И уведомил ее семью о своем выборе. Надеюсь, Донна примет мое предложение.

– Что же заставляет девушку подавать против вас иск?

– Она не может испытывать притяжение пары, поэтому ей было очень тяжело пережить мои вынужденные действия в ее отношении…

Я подбирал каждое слово, глядя в камеру. Представить, что она сидит где-то на том конце и смотрит мне в глаза, было несложно.

– …Мне очень жаль, что ей пришлось ощутить на себе все произошедшее иначе, чем это происходит у большинства.

– Процент вероятности вашего предпочтения столь мал, что трудно поверить, – полетел вопрос от мужика слева.

Только мужчина в такой ситуации мог задать такой вопрос.

– Верно. Поэтому я считаю, что мне повезло, и надеюсь, что Донна примет мои извинения.

– Она еще думает? – снова вопрос от женщины.

– Видимо, уже нет, – улыбнулся я вежливо. – Прошу меня извинить.

Не извинили – попытались кинуть еще несколько вопросов в спину, но я уже не слушал, быстро прокручивая в памяти свои ответы и просчитывая, как каждый ляжет в нашей с Донной партии.

Я смягчил ситуацию, как мог. Когда она станет моей – а она станет, – легко будет это вывернуть шоковым состоянием в виду ее особенности. Хотя общество эту особенность и считает неполноценностью, я больше верил Карлайлу. А еще больше – себе. Мне плевать, что даст мне Донна. Будут дети – отлично, нет – значит, нет.

Во втором случае оставалась только одна проблема: если у избранницы оборотня нет детей, он может повестись на истинную. Шанс очень мал, но он есть. То есть зверь в прямом смысле может вильнуть хвостом и оставить неистинную женщину несмотря ни на что. Может. А может, и не вильнуть – все зависит от мужчины.

В себе я был уверен. И уж если меня так приложило от этой журналистки, я точно никуда не собирался больше. Зверюга у меня требовательный – искал, видимо, долго и тщательно. Лучшего, правда, времени не нашел. Но уже ничего не поделать.

У меня сейчас другая проблема – моя избранница еще даже в лапы не далась.

– Видел? – нахмурился Майк на мое появление в приемной. Он стоял перед плазмой на стене, по которой как раз транслировали мой эпический экспресс-опрос у входа в здание. – Ты молодец. Но это – запредел. Я считал журналистку умнее.

Моя секретарь повернула ко мне голову, но взгляд от плазмы на стене так и не отвела.

– Быстро они, – нахмурился я. – Когда насмотришься – ко мне.

– Иду, – прошел он в мой офис следом и закрыл двери. – Парсонс сейчас озвереет.

– Не привыкать, – опустился я тяжело в кресло. Я был зол. На Донну, на ее тупых адвокатов, которые либо совсем идиоты, либо не имеют на нее влияния, либо вообще работают против нее. Вытащив мобильный, я быстро нашел ее номер и, глядя на Майка, принялся слушать гудки. Знал, что возьмет. Изображала же из себя смелую…

– Господин прокурор…

– Получил твое послание, – перебил жестко.

– Я вам ничего… – охрип ее голос.

А у меня снова заплясали кровавые точки перед глазами. Кровь ударила в голову, и я стиснул зубы:

– Уже собрала вещи?

– Вы, может, не поняли, но я к вам не собираюсь, – взяла она себя в руки. – Вам еще не звонили? Сегодня в шестнадцать предварительное слушание в суде по моему делу.

– Я дал тебе сутки, – сурово перебил ее снова. – Они истекают сегодня вечером. Если не окажешься у меня – я выцарапаю тебя из любой щели, куда бы ни забилась. И поверь – суд, который ты сегодня собрала посмотреть на свое личное унижение, только вздохнет от облегчения.

Я поднялся и стремительно вышел из кабинета. Не хотелось, чтобы кто-то слышал. Сначала мне хотелось быть жестким с ней, но сейчас я боялся ее сломать, потому что в следующих словах явно слышался хруст:

– Зря ты так думаешь, – дрогнул нервно ее голос.

– Я думал, твоим словам можно доверять. Ты просила день.

– Я не на равных с тобой, господин прокурор, – а вот теперь голос окреп, а я замер посреди коридора, сжимая кулак и тяжело сглатывая. Дальнейшее направление выбрать не составило труда – я зашагал в сторону уборной. – Но бежать не собираюсь. Просто не намерена отдаваться по первому твоему приказу.

– Отдашься по второму, – прорычал, хлопая дверью туалета. Она снова выводила меня из себя, бесила зверя неподчинением и дерзостью. – Знаешь, как я не люблю голодать, Донна?

– Мне так не показалось. Голодаешь профессионально, вот только на пользу тебе не идет.

Мы незаметно вступили в брачную перебранку двух недовольных зверей. Это у нее не было зверюги? Черта с два – я ясно слышал ее самку за злым голосом в трубке.

– Тебе тоже, – прорычал и усмехнулся, давая голос своему зверю. Мне нужно было услышать, что скажет ее вторая ипостась. – Брось, дурочка. Я не хочу снова попортить тебе шкурку в порыве страсти. Ты же знаешь, что ты – моя.

Дрожь. Предвкушающая дрожь завибрировала на нервах. Только Донна своего зверя не слышала:

– Не думаю, мистер Харт. Вы ошиблись. И я буду доказывать это до последнего.

И снова бросила трубку. А я сдавил свою в пальцах с удлинившимися когтями. Легкие медленно заполнило горячим воздухом, а из ноздрей едва не пошел пар. Если бы она знала, с каким огнем мы оба сейчас играли. Я думал, что наваждение прошло, но ошибся. Кое-как разжал ладонь, бросил аппарат на раковину и поднес руки к крану.

Все померкло. А перед глазами снова стояла она – мокрая, задыхающаяся и стонущая между мной и стенкой. Когда я успел запомнить ее в деталях? Но эти детали скрежетали в голове, высекая искры – маленькая темная родинка за ухом, шрам на запястье правой руки, простая сережка-гвоздик без камня, плотное спортивное белье, сдающееся когтям, как масло раскаленному ножу…

Не знаю, сколько я простоял, оперевшись на раковину и, пытаясь взять себя в руки. Ясно было одно – она меня провоцирует. И удастся мне устоять или нет – хороший вопрос. Но и не явиться на слушание я не мог…

Глава 8

…Оповещение о нем ждало меня в почте, когда вернулся в кабинет. Но не успел вчитаться в список оснований для слушания, меня вызвал к себе Спенсер.

– Какого черта это все значит?! – ткнул он мне на новостной канал, вещавший из плазмы о моем обвинении.

– Что вы хотите от меня услышать? – сложил я руки в карманы, останавливаясь между Спенсером и экраном так, чтобы тот не мог видеть новости.

– Куда ты вляпался, Харт? – поднялся он, копируя мою позу.

– Я бы поставил вопрос по-другому – куда меня вляпали.

Он сузил глаза:

– Есть основания подозревать?

– Пока нет. Но я работаю над этим.

– Не над тем ты работаешь. Мне не нужны подобные скандалы в отделе! – указал он за мою спину. – Какого черта ты еще тут, а твоя самка вытворяет черт-те что? Ты хватку потерял, Харт?

– Я дал ей сутки, сэр, – еле процедил через сжатые зубы. – У девочки нет ответа на мою привязку.

– Что? – сморщился он. – Она что, из тех недоразвитых?

Слова покоробили так, будто в тишине кто-то провел когтями по металлу.

– Я бы предпочел, сэр, чтобы в моем присутствии о моей избранной так не отзывались. – Голос наполнился рычанием, а пальцы еле успел сжать в кулаки, пока когти не вспороли ткань брюк.

– Приношу свои извинения, – уселся Спенсер в кресло, хмурясь. – Ты уверен, что тебе это нужно? Я бы подключил связи…

– Не стоит, сэр.

– Харт, я не планирую тебя терять.

– Об этом нет речи.

– Ты берешь себе в пару женщину, которая уже доставляет тебе одни проблемы.

– Я все решу.

– Реши быстрей, – надавил он. – Потому что если увязнешь в личных проблемах, меня это не устроит. Для высшего сословия идеальная пара – не блажь, ты же знаешь.

– Знаю. Но чего стоят мои дела, если делаю их только, пока мне удобно и закон прикрывает? С ней – все против меня. Но это же не значит, что я должен предать свои принципы. Зачем я вам без них?

Спенсер сгорбился в кресле, складывая руки перед собой на столе:

– Хорошо, – кивнул задумчиво. – Иди.

* * *

Я смотрела на мобильный уже несколько минут, а все еще слышала голос Харта, заблудившийся эхом внутри. «Ты же знаешь, что ты – моя». Эти его слова были сказаны каким-то незнакомым голосом, от которых внутри все пошатнулось и задрожало. Последствия? А если я и правда становлюсь его, просто запоздало реагирую?

Его комментарии прессе я смотрела сквозь пальцы, растекшись по столу.

«…Мне очень жаль, что ей пришлось ощутить на себе все произошедшее иначе, чем это происходит у большинства», – говорил он в камеру, а смотрел мне в глаза. Идеальный

сукин сын. Только мне он говорил, что ни черта мне нельзя, когда усадил перед собой на стол. Лицемер.

«…Процент вероятности вашего предпочтения столь мал, что трудно поверить», – прозвучал вполне вменяемый вопрос. Я даже приподнялась над столом на локте.

«Верно. Поэтому я считаю, что мне повезло, и надеюсь, Донна примет мои извинения».

– Хрен тебе, – процедила я.

– Донна, – тихо стукнули в двери, и внутрь прошлась секретарь Лавера, – еще три приглашения на интервью.

Всем видом она выразила пренебрежение. А это только секретарь босса. Что же там за окном творится? Отец обрывал трубку уже два часа, но я не могла с ним говорить. Мама написала только сообщение, что примчится по любому звонку. Лучше бы, наверное, она тоже злилась. Вилма бросилась коротким «Наберу позже». Со всех сторон, будто камни, в меня летело чужое мнение, до которого мне обычно не было дела.

Но раньше я не оставалась один на один против всего мира.

Плевать. Я все равно выскажу все, что думаю, об этом их высокомерии и дискриминации! Может, Харт лишний раз задумается, что не стоит со мной связываться – проблем не оберется.

С прямой спиной и поднятой головой я прошла в кафетерий, чтобы испробовать на прочность свои «доспехи». «Доспехи», кстати сказать, кроме внутренней уверенности, отражались и на внешнем виде – узкое черное платье в обтяжку, широкий деловой ворот, белая блузка с длинным рукавом и лодочки на шпильках. Я редко прибегала к «костюму женщины», но сегодня был тот самый день, когда нужно было обозначить себя на женской территории всеми лапами.

Когда шла с кофе обратно, мне, наконец, позвонила Вилма.

– Ну и творишь ты! – послышалось возмущенное в трубке. – Донна! Я же просила ничего не делать!

– И пойти в лапы к Харту, – я сбилась с шага, так ощутимо что-то дернуло внутри. – Вы прекрасно знаете, что никто потом меня уже не вытащит из них.

– Был шанс. Небольшой. А теперь ты его уничтожила.

– Вы будете меня защищать? – остановилась я напротив лифта, бросив взгляд на настенные часы в холле.

– Конечно. Хоть теперь это и бесполезно.

– Зачем вы мне это говорите?! – возмутилась я. – Вы – которая на собственной шкуре знает, что такое находиться в неравном союзе?!

– Именно в этом союзе я научилась ждать, Донна. Рассчитывать и выжидать, а не кидаться ради того лишь, чтобы раззадорить зверя еще больше. Харт не позволит себя дергать за усы – с ним можно было сделать только один удар и наверняка. Ты проиграла, потому что сделала глупый никчемный выпад. Ну, мяукнешь ты один раз во всеуслышание, что жизнь несправедлива. Завтра о тебе уже не вспомнят, а ты будешь стоять на коленях перед прокурором и выполнять все его приказы!

– Знаете, Вилма, я думаю, что более не нуждаюсь в ваших услугах! – задохнулась я гневом.

– Нуждаешься. Еще как. Потому что проигрывать тоже нужно уметь. Я буду вовремя, – и она отбила звонок.

А я едва не разлила кофе, стиснув стаканчик в руках. Ну конечно, ей, может, и не привыкать использовать свое тело в стратегическом планировании. А мне тяжело принять такой «первый раз» как должное!

Нет, я не хранила себя для кого-то особенного. Хотя… а почему нет?

Участь породистых, но не нашедших пару, не хуже тех, кто ее нашел – можно выбрать самому. Таких пар тоже немало. А когда в них появляются дети, уже можно вообще ничего не опасаться – даже внезапная истинная не вырвет мужчину из такой семьи.

Вилме не повезло – у нее не было детей.

Пока большинство не нашедших себе пару пускалось во все тяжкие, я предпочитала работать. Меня ничего хорошего не ждало даже в таком союзе – детей, как мне сказали, у меня быть не может, как и у всех, не умеющих оборачиваться. А самоутверждаться каждую ночь в новых лапах и искать утешение в чьей-то похоти меня никогда не тянуло. Это теперь стало понятно, что лучше бы я пустилась в эти тяжкие… Может, не было бы так больно. И физически и душевно.

Вернувшись в офис, я просмотрела число заинтересовавшихся моим заявлением – негусто. В основном, это оказались общества по защите прав женщин. Ни один центральный канал не собирался меня поддерживать. Так что даже мяукнуть громко не выйдет. Конечно, новость вышла бы с лейтмотивом удивления моей наглостью, но хотя бы была огласка…

…На суд я ехала раздавленная. Спина все норовила согнуться, когда я пыталась сидеть ровно в такси. А вот на ступеньках суда ждал сюрприз – меня поджидали журналисты.

– Донна, – налетели, стоило выйти из такси, – вы правда считаете, что требования прокурора незаконны?

– Стояли бы мы с вами тогда у здания суда? – голос дрогнул.

– Прокурор Харт достаточно четко описал проблему – вы просто не можете ответить физически на его выбор.

– Не могу и считаю, что мое право должно уважаться. – Выпрямиться все же удалось. – Как и право других женщин, которых общество записало в ущербные…

Но слушать меня не собирались:

– Большинство полагают, что вы просто используете ситуацию, чтобы поднять свой рейтинг…

– Кто бы сомневался, – огрызнулась я. – Если вам неинтересна противоположная точка зрения, вы можете вещать ее в одностороннем порядке. Пропустите. – Я отвернулась от камеры. – Дайте пройти.

Идиотка… Нужно было говорить сейчас, пока существовал хоть какой-то шанс, что услышат. Но у меня не было сил.

Я взбежала по ступенькам и схватилась за ручку массивных дверей здания правосудия. Открыть их было столь же тяжело, как и провернуть судебную машину в свою сторону. И если с дверьми я все-таки преуспела, пусть и с помощью, то в главном деле помощников не предвиделось, как и успеха.

Казалось, все в холле смотрят на меня. Давно забытое чувство, но я словно вернулась в детство, когда впервые вошла в здание школы. И пусть никто не знал, но все чувствовали мою ущербность.

И только значительно позже я поняла, что сама давала им понять, что недостойна общества. А этому обществу палец в рот не клади – они чувствовали все, что не умеешь скрывать.

Вот и сейчас ноги подкашивались, дышать становилось тяжелее с каждым шагом. Вилма хоть и пригрозила солировать в моем провале сегодня, не встретила перед дверью зала заседания. Присутствующие мазнули по мне взглядами в коридоре, и я поспешила сбежать в документы. Нечего растрачивать остатки уверенности на всех вокруг – она мне еще понадобится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.